

Л.Н. Максимова

ПИМОКАТЫ, ОБЪЕЗДЧИКИ, МОДИСТКИ... МИР ПРОФЕССИЙ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Социальные исследования профессий представляют собой одновременно и традиционную, и новую область изучения. Новизна ощущается прежде всего в стремлении систематизировать накопленные и добываемые заново материалы, а также осмыслить и унифицировать способы их научной обработки, добиться высокой степени сравнимости данных в контексте международных исследовательских проектов. Совершенно закономерно, в связи с этим, выглядят рефлексии социологов, антропологов и историков по поводу фрагментарности и некоторой бессистемности, имевших место в данной области ранее. Столь же глобальным следует считать вопрос о национально-исторической специфике профессиональной системы, подлинное выявление которой возможно лишь в компаративистском ракурсе.

Один из важнейших вопросов исторического профессиоведения — это, наверное, вопрос об универсальной международной кодификации профессий. Результаты участия историков Алтайского государственного университета в проекте исторической классификации и кодирования профессий, впервые осуществленном на российском материале, а также достижения в области изучения занятий российского населения в прошлом отражены в сборнике научных статей «Историческое профессиоведение» (Историческое профессиоведение... 2004). Наблюдения, аналитические заключения и методологическая рефлексия историков дает богатый материал для собственно социологических исследований, содержа в себе эксплицитно и имплицитно постановку специфических проблем, возможность ответов и дальнейшего изучения добытого материала в других аспектах. Иными словами, хочется говорить не только о том, что есть в этой книге, но и о том, что она подсказывает в смежных научных областях.

Эта отрасль знания, очевидно, является точкой пересечения различных наук, их внутренних сегментов, содержит в себе большой потенциал многоаспектного рассмотрения феномена профессии. В первую очередь историческое профессиоведение является неотъемлемой частью профессиоведения как такового, ибо изучение современного социокультурного содержания отдельных профессий и их соотношения в актуальном срезе профессиональной системы малоэффективно без обращения к исторической динамике. Историческое профессиоведение направлено на изучение социальной истории, а именно социальной мобильности и социальной стратификации в различных регионах в прошлом, предполагает широкое обращение к исторической статистике, к исследованию корреляций социального и профессионального

статуса в социокультурном контексте той или иной эпохи. В то же самое время история профессий позволяет бросить ретроспективный взгляд на развитие профессиональной культуры, полноценное изучение которой невозможно без исторической и географической конкретики, вообще вне исторического и регионального факторов. О связи исторического профессионализма и проблемы профессиональной культуры пишет, в частности, Е.А. Киселёва в статье «От психологической классификации профессий к исторической» (Историческое профессиональное... 2004: 82–93).

Исследование многомерного феномена профессиональной культуры немислимо без обращения к процессу исторического формирования и развития статусных позиций, роли в социально-профессиональной инфраструктуре. Участникам научного проекта удалось обнаружить незаменимые источники для аналитического обзора и систематизации данных, в частности, переписные листы и метрические книги. Степень сохранности источников информации, необходимой и достаточной для объективности, корректности и валидности выводов, такова, что можно говорить лишь о репрезентативности отдельных фрагментов структуры. Но это уже серьезный шаг в сторону сравнительно-исторического изучения профессиональной системы.

Столь же методологически важным шагом является попытка инкорпорировать отечественный материал в международный проект, а историческую кодификацию соотнести с современной. Большая часть статей сборника и посвящена международному проекту HISCO (Historical International Standard Coding of Occupations, Исторический международный стандарт кодирования профессий) и его российской версии. В свою очередь этот проект является продолжением другого — ISCO (International Standard Coding of Occupations, Международный стандарт кодирования профессий) — и как раз отражает стремление изучать профессии не только в их синхронном срезе, но и в историческом ракурсе. Соотнесение современной профессиональной системы с ее состоянием в конкретные исторические эпохи — задача весьма непростая. Совместить современную и историческую классификацию можно только при условии преодоления некоторых барьеров и признания определенных потерь. В ключевой статье сборника (Скубневский, Гончаров 2004: 6–16) трудности описываются следующим образом: «Наименование профессии иногда неизвестно или неясно для современных исследователей. Например, не совсем понятны следующие специальности текстильного производства: “присучальщик” и “банкоброшница”. Возможно, для кодификации этих занятий будет необходимо изучение технологии того времени... Смысл некоторых исторических наименований занятий отличается от смысла, который вкладывается в наши дни, кроме того, одинаковые профессии могут по-разному именоваться в разных частях страны... В России существовали специфические профессии, не применявшиеся в других странах, например, “пимокат” (мастер, производивший вид национальной обуви из валяной шерсти). Большие сложности вызовут проблемы перевода русских наименований исторических профессий на английский язык. Проблема будет заключаться даже не в переводе, а в подборе наиболее адекватного английского эквивалента наименования профессии, так как буквальный перевод может оказаться неадекватным» (Там же: 10).

Универсальная кодификация предполагает рассмотрение языковых соответствий в национальных номинациях профессий. Авторы сборника среди трудностей, подстерегающих российских исследователей, которые присоединяются к проекту HISCO, называют языковой барьер. На самом деле это отдельная проблема, которая требует кооперации лингвистов, историков и социологов. Нас же в данном случае интересует роль номинации в формировании профессиональной культуры, в частности, в самоидентификации профессионала и в национальной культурной специфике.

Совсем не безразлично, стоит ли за историческим названием (например, пимокат, модистка, ямщик, письмоводитель, водовоз, денщик) так называемая уходящая натура или за разными названиями просвечивает универсальная основа профессиональной деятельности (например, делопроизводитель — документовед, секретарь). Интересно также, что слово «извоз» сохранилось в современном лексиконе, а слово «извозчик» нет. Ощущают ли себя владельцы автомашин, занимающиеся частным извозом, извозчиками или, по крайней мере, наследниками определенной профессиональной культуры? Можно ли так сказать о таксистах? Некоторые названия несут в себе проблемы: является ли данное занятие профессией, не предназначено ли это название только для определения социальной позиции? Примером может служить слово «нищий». Хорошо известно, что для некоторых наших соотечественников это занятие стало не только источником дохода, но и образом жизни. Возможно, в данной среде существует нечто вроде профессиональных корпораций, и уж во всяком случае, наверняка есть подобие профессионального кодекса. Номинация вбирает в себя часть определенной культурной традиции, содержит в себе и статусный код. В любом случае она является важнейшей частью профессиональной культуры, ее языковой моделью, и в этом случае также нуждается в историческом подходе.

Классификация, кодирование, статистика только на первый взгляд могут показаться предназначенными исключительно для структурно-функционального анализа исторической профессиональной системы, хотя в алтайском сборнике данный подход преобладает. На самом деле эта работа, находящаяся в России в начальной стадии, создает необходимую предпосылку для социологических и исторических исследований, авторы которых могут использовать и другие подходы. Корреляция исторических и современных профессиональных систем, а также профессиональных систем разных стран может выявить некие константы, универсалии и переменные профессиональной культуры в целом и культуры отдельных профессий. А это знание полезно в различных парадигмах социологического знания. Историческое профессиональное исследование позволяет выявить процессы как профессионализации, так и депрофессионализации, определить степень универсальности или, наоборот, слишком тесной связи той или иной профессии с относительно краткосрочной эпохой.

Статьи, посвященные проектам классификации и кодирования, предваряют в алтайском сборнике целый ряд исследований, посвященных конкретным сегментам региональных профессиональных систем прошлого и отдельным занятиям в их историческом срезе. Авторы интересуются занятиями горожан Западной Сибири, профессиональный состав населения Тобольска, промысловые занятия сельского населения Алтая, сословно-профессиональный состав населения Севастополя. Хронологические границы исследований — от первой четверти XIX в. до 1920-х гг. Статистическое и социально-профессиональное ранжирование упорядочивает материал для дальнейшего углубленного изучения профессиональной культуры прошлого. Но углубление требует поисков новых источников.

Профессиональная культура в ее синхронии, в ее живой и становящейся сути доступна изучению в координатах различных парадигм социологического знания (структурно-функциональной, критической, герменевтической). Но как быть с ее исторической ипостасью, застывшей в определенном виде на определенной оси исторического времени? Упомянутые выше источники данных (переписные листы и метрические книги) сами по себе вписываются в культуру той эпохи, когда они были созданы, отражают уровень социологического знания, но они в любом случае не рассчитаны на феноменологический взгляд. При изучении многочисленных интересных таблиц и статистических выкладок алтайского сборника, несомненно

самоценных, приходит на ум, что, возможно, имеет смысл обратиться к поискам исторического материала другого толка. Полноценная ретроспекция профессиональной культуры возможна лишь тогда, когда будет учтен и исследован материал, отражающий личностный уровень ее носителей, их социально-профессиональное самочувствие, культурно-исторический код профессии в данную эпоху и в данном регионе. Имеются в виду эпистолярные, дневниковые, мемуарные материалы, другие записи из частных архивов, публикации периодической печати, фольклор (частушки, детские игры), которые, вероятно, уже стали частично достоянием исторической науки, но могут быть прочтены и обобщены в другом свете, а именно, как предмет интерпретации профессиональной культуры.

Конечно, состояние грамотности в Российской империи и возможности некоторых социально-профессиональных слоев в области письменной самоидентификации ограничивают эту часть источников, но не исключают ее совершенно. Кроме того, интересны и косвенные свидетельства, взгляд со стороны на интересующий нас вопрос. Ведь, например, те литературные произведения русской натуральной школы, которые были посвящены судьбам представителей отдельных профессий, наверняка питались определенной культурой социологического знания, а не только социально-политическими и эстетическими установками.

В свете вышесказанного мы выделили бы среди статей алтайского сборника работу Е.В. Демчик «Частные торговцы в годы НЭПа: возрождение и гибель профессии (на материалах Сибири)». Она должна быть интересна исследователю профессиональной культуры по нескольким причинам: во-первых, здесь выстраивается многообещающая перспективно-ретроспективная линия, связывающая воедино культуру дореволюционного купечества, частных торговцев-нэпманов, советской торговли и современного предпринимательства в этой области; во-вторых, исследователь широко использует интерпретационный метод, обращаясь к отдельным из перечисленных выше источников. Особо ценным представляется анализ детских игр, частушек и фрагментов архивных материалов. Последние должны быть большой редкостью для той социально-правовой ситуации, которая сложилась вокруг частных торговцев периода НЭПа. Кроме того, в названной работе сопоставляются самоидентификации «героев» исследования и их неоднозначное восприятие в обществе, представленное разнообразным спектром мнений и отражающее многомерность и кричащую противоречивость национальной культуры 1920-х гг.: здесь и представители большевистской власти, и эмигрантская общественность, и пока еще относительно свободная или уже ангажированная советская публицистика. Отражаются также такие факторы профессиональной культуры, как социальный генезис, создание профессиональных групп, т. е. внутреннее структурирование, как идеология и профессиональный этос в его стремительной динамике, как осмысление собственного статуса, оправданности и перспективы деятельности, наконец, как взаимодействие с другими социальными структурами (например с советским чиновничеством). Таким образом, становится ясно, что историческое изучение профессиональной культуры нужно начинать в рамках изучения отдельной профессии.

В упомянутой статье по вполне понятным причинам внимание сосредоточено именно на нэпманах, остальные вехи прочерчены контуром. Возможен и иной подход, иная логика и композиция исследования. Так, например, А.В. Соколов в статье «Библиотечная мифология: вчера, сегодня, завтра» (Соколов 2006: 112–118) выстраивает линию исторического развития профессиональной культуры библиотекарей, в равной степени уделяя внимание прошлому, настоящему и будущему. По мнению автора, профессиональная мифология — уникальный фрагмент профессиональной

культуры наряду с профессиональной этикой и фольклором, представляющий собой «синтез (сплав) знания, веры и вымысла» (Там же: 113). Можно добавить, что мифология профессии по определению предполагает цельный образ мира, каким он складывается под влиянием профессиональной деятельности. Если доминантой прошлого А.В. Соколов считает миф о книжном просвещении и сакрализацию книги, то доминантой настоящего библиотечной профессии — процессы глобализации и создание единого информационного пространства. Будущее книги и библиотеки принципиально вариативно, однако одна из апокалипсических его версий давно описана Рэем Бредбери в романе «451° по Фаренгейту»: централизованное уничтожение государством всех книг и преследование их хранителей.

Сравнивая два упомянутых направления в историческом исследовании профессиональной культуры, мы отдали бы предпочтение первому: оно, во-первых, базируется на разнообразном спектре исторических источников, во-вторых, ставит более выполнимую задачу детального изучения одного исторического отрезка развития профессии. Что же касается профессиональной мифологии, то ее изучение несомненно необходимо, однако требует более выверенного научного инструментария и опоры на источники. Интуитивное реконструирование профессиональных мифов может осуществляться лишь на стадии научной гипотезы.

Есть еще один перспективный путь исторического профессиоведения — обращение к культурному коду сравнительно недавних видов занятости. Примером может служить статья П. Романова и Е. Ярской-Смирновой «Трузера и крабы для советского потребителя...» (Романов, Ярская-Смирнова 2007: 152–170). Это, что называется, исследование по горячей памяти и хорошо сохранившимся разнообразным источникам вплоть до художественной литературы. Яркий след оставила «фарца» в культурном сознании нации. Дело исследователей — увидеть в этом и подобных явлениях не только самодостаточный феномен, но и оттиск эпохи.

Таким образом, историческое профессиоведение, обладая самостоятельной ценностью, может быть рассмотрено с точки зрения смежных научных дисциплин и специфических проблем (в нашем случае это проблема профессиональной культуры) как чрезвычайно полезный источник данных, результатов и аналитических заключений.

Литература

Историческое профессиоведение: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Н. Владимиров. Барнаул: Изд. Алтайск. ун-та, 2004.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Трузера и крабы для советского потребителя: будни подпольного капитализма фарцовщиков // Профессии. дос Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Историческое профессиоведение: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Н. Владимиров. Барнаул: Изд. Алтайск. ун-та, 2004.

Соколов А.В. Библиотечная мифология: вчера, сегодня, завтра // Библиотековедение. 2006. № 1.